

ГЛУБОКО НАЦИОНАЛЬНО, ПОЭТИЧНО

Глубоко национальные одинаково поэтичные и в то же время совершенно не похожие друг на друга спектакли «Утопленница» и «Кровь и пепел» завоевали сердца таллинских зрителей. Вряд ли в переполненном зале театра было более десятка людей, знающих литовский язык. Перевод по трансляции оставлял желать много лучшего. И все-таки это не мешало следить за развитием событий на сцене, за игрой актеров, затаив дыхание.

Государственный академический театр драмы Литовской ССР — театр, верный жизненной правде, покоряющий неповторимым своеобразием.

Казалось бы, что может быть более известным, чем сюжетная схема «Утопленница». История бедной девушки, обманутой, вольно или невольно, обиженной, затравленной и, в конечном счете, лишившей себя жизни, рассказывалась, наверно, почти во всех литературах мира. И все-таки инсценировка А. Любите и К. Кимантайте написанная в 1909 году рассказа А. Венуолиса не похожа ни на сентиментальную «Бедную Лизу» Карамзина, ни на гневную «Катерину» Шевченко, ни на десятки других произведений, сходных по теме. Литовская деревня конца XIX века, своеобразные характеры, порожденные ее жизнью и традициями, вочию предстают перед нами.

Режиссер, народная артистка Литовской ССР К. Кимантайте, художник И. Вилутис, весь актерский ансамбль стремились в спектакле к наибольшей достоверности, избегая чисто театральности эффектов, добивались правдивости каждой детали. В то же время правд спектакля — отнюдь не бесстрастная констатация. Это правда, озаренная поэзией высоких чувств.

Начало спектакля...

Ранняя весна. Лукайка у озера чуть освещенного вечерним светом. Песни, пляски, игры молодежи. Нет, это не концертные номера, вставленные в спектакль, — это сама жизнь. Самое прекрасное

в этой жизни воплощено в образе Вероники (арт. Я. Берукштите). Веселая, обаятельная, гордая, застенчивая, доверчивая, любящая — она кажется созданной для счастья. Бесприданница-батрачка выглядывает королевой среди своих подруг. Первый слабый звук приближающейся трагедии почти не различим. Пу что из того, что смешный «американт» Самулюкас угораздит парней ехать в богатую Америку? Кто догадается, что его слова «тубоко запали в душу Ююаса? Кто догадается, что сегодня ночью Вероника станет его невенчанной женой? Потом Ююас уедет и не пришлет ей ни обещанной «шифсарты», ни денег. Но это еще впереди. А пока чудесной весенней ночью звучит лишь тревожный голос батрака Аницокаса, напрасно зовущего Веронику.

Сама трагедия начинается со второго акта. Вероника уже не та. С большим тактом и предельной искренности раскрывает Я. Берукштите нарастающие тревоги в душе своей героини: первые сомнения, ощущение надвигающейся беды, напрасное стремление найти поддержку и понимание в людях.

Превосходно поставлена сцена третьего действия — в костеле. Цветные витражи, матерья божья — и грязная сплетня, торжественные звуки органа, слепая религиозность — и отвратительное лицемерие, слова о любви — и жестокость служителей церкви. Страшный, безжалостный бог в лице сцендза отвергает грешницу Веронику. Как по-настоящему трагична потрясенная горем, бледная, растерянная Вероника — Берукштите!

Трагедия приобретает все более острый социальный характер. Парни мажут детям двери девушки. Хозяева выгоняют батрачку. Отец-пьяница бьет ее. Нет места на земле отверженной. Все против нее — весь темный мир, где чувства искалечены властью денег и религиозным фанатизмом.

В тихую чудесную литовскую лунную ночь Вероника бросается в озеро.

Образ Вероники, созданный в

спектакле, надолго останется в нашей памяти. И не только потому, что через ее историю мы увидели чистую мрачного прошлого Литвы, но и потому, что она сама по себе прекрасна. В образе этой девушки живет поэзия высоких чувств литовского народа, поэзия, не умирающая никогда. Хорошими были в спектакле медлительный тяжелолуд Аницокас (арт. А. Пикалис), безответная, забитая, но чистая душой пастушка (заслуженная артистка Лит. ССР О. Кнапките), комедийно нелепый «американт» (арт. И. Чепайтис), настоятель (арт. Ю. Канопка). Без единой нотки фальши играл весь актерский ансамбль.

Удивительно слаженный, предельно правдивый, глубоко лиричный спектакль посчастливилось нам увидеть.

Совершенно необычные зрелище представляет собой спектакль «Кровь и пепел». Его основа — не пьеса, в буквальном смысле слова, а героическая поэма Ю. Марцинкявичюса. Автор сценической композиции и режиссер спектакля снова народная артистка Литовской ССР К. Кимантайте.

Поэма написана превосходно (даже по транслировавшемуся слабо подстрочному переводу можно почувствовать ее силу). К. Кимантайте, очевидно, стремилась сохранить дух и музыку поэзии Ю. Марцинкявичюса. Она не приспособляла поэму к готовым театральным формам, но искала новые сценические средства выразительности, в которых можно было бы воплотить поэзию в театре.

Серьезный, детальный анализ этого сложного спектакля требует глубокого изучения поэмы, сценической композиции, режиссерского замысла. Здесь я могу передать только свое первое впечатление. Оно огромно.

Если изложить голую фабулу героической поэмы, она покажется довольно простой. В годы фашистской оккупации в маленькой литовской деревушке людям предоставлено на выбор два пути. Либо смелая, самоотверженная борь-

ба до победы, либо позор рабства. Народный герой-партизан Напалис ненавидит и презирает прислужников гитлеровцев. А брат Напалиса Марчюс ищет немыслимый третий путь. Он хочет сохранить в буре войны свое маленькое благополучие, не становясь ни на чью сторону. Ему бы только навсегда закрепить за собой кусок песчаной земли, согнав с нее братьев, да наслаждаться тихим счастьем с женой. Эгоизм приводит Марчюса к предательству. Немцы сжигают деревню. В пламени гибнут все жители, кроме Расюки, жены Марчюса. Она появляется на пепелище с новорожденным ребенком на руках. Жизнь продолжается. Она неистребима. Человек побеждает смерть.

Фабула и сама по себе драматична. Но не в ней одна суть дела. Герои раскрываются не только и даже не столько в поступках, сколько в мыслях и мечтах. Поэма Марцинкявичюса — произведение философское и в нем немало таких строк, которые важны не менее, чем события.

В спектакле перед нами условная сценическая конструкция, которая может изображать все, что потребуется, — и деревенскую улицу, и избу, и лесную проталину. В отдалении деревня и над ней то большое и доброе солнце, то огни негаснувшего пожара...

Картины самого разного характера проходят перед нами.

Вот появилась Дауене, мать Напалиса, Марчюса, Пикса. Пожалуй, это образ символический, почти платонический. Дауене вдохновенна и негибаема.

Вот на первый план выходит любимая Напалиса Юрга. Она переживает свое первое светлое чувство. Война не может его загасить. Мы видим ее мечты — свадьбу, пленяющую красотой народных песен и танцев. И вот уже перед нами лесная прогалина, на которой Напалис ведет философский разговор с убитым немцем, погибшим на чужой земле, потому, что подчинился злой воле. Реалистический, почти бытовой

характер, несмотря на условность декорации, носит сцена предательства Марчюса. Но вот она сменяется чисто романтической — Напалис отдает себя в руки фашистам. Он хочет, чтобы они расстреляли его, но не трогали деревню.

Графически, несколькими штрихами нарисованы сцены, в которых действуют гитлеровцы, и с огромной живописной силой показана гибель жителей деревни в огне. Актеры ведут обыденные разговоры, размышляют вслух, произносят гневные монологи против фашизма, войны, церкви, буржуазных националистов.

Спектакль напоминает симфонию. В этой симфонии есть лейтмотив — это любовь к своей земле, к людям, к жизни, которая должна быть прекрасна. Любовь, сильная ненавистью ко всем, кто несет смерть.

Режиссеру удалось выделить этот лейтмотив, подчеркнуть его во всех сценах — и это дало цельность спектаклю. Актеры справились с труднейшей задачей — быть правдивыми в столь сложном многоплановом и трудном для сценического воплощения спектакле.

Чудесные образы создали Н. Страуднайте (Юрга), Я. Берукштите (Расюка), засл. артистка Литовской ССР Л. Купстайте (Дауене). Запомнились Марчюс — заслуженный артист Литовской ССР И. Кавалаяускас, Напалис — А. Вружас, старик Дидорюс — второе «я» автора в спектакле — заслуженный артист Литовской ССР В. Деркинтийс. Интересной и изобретательной была работа художника Ю. Чейчyte.

Коллектив Государственного академического театра драмы Литовской ССР показал себя не только театром уверенного мастерства, но и театром темпераментно, молодящим новых средств выразительности, смело подымающим большие философские темы. Хочется поэтому увидеть его постановки снова, сказать сегодня коллективу театра не «Прощайте!», а «До скорой встречи!».

Григорий СКУЛЬСКИЙ,